

**ЖУРНАЛ
ЗНАМЯ**
ИЗДАЁТСЯ С 1931 Г.

[№ 3,
2026](#)

[№ 12,
2025](#)

[№ 9,
2025](#)

[№ 6,
2025](#)

[№ 2,
2026](#)

[№ 11,
2025](#)

[№ 8,
2025](#)

[№ 5,
2025](#)

[№ 1,
2026](#)

[№ 10,
2025](#)

[№ 7,
2025](#)

[№ 4,
2025](#)

литературно-художественный и общественно-политический журнал

[ГЛАВНАЯ](#)

[РЕДАКЦИЯ](#)

[КОНТАКТЫ](#)

[СОЦ. СЕТИ](#)

[ПОДПИСКА и РАСПРОСТРАНЕНИЕ](#)

[ИСТОРИЯ
ЖУРНАЛА](#)

[АВТОРЫ](#)

[НОВОСТИ](#)

[ЛАУРЕАТЫ](#)

[ЖУРНАЛА](#)

[ПРОЕКТЫ](#)

[АРХИВ](#)

[АНОНС](#)

[СВЕЖИЙ](#)

[НОМЕР](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ЖУРНАЛОВ](#)

[ГАЛЕРЕЯ](#)

[Журнал «Знамя» 10, 2001](#)

Владимир Попов

Три капельки воды

**В
Х
С**

Канадский профессор объяснял у себя в офисе китайскому аспиранту, как пользоваться телефоном с несметным количеством кнопок и функций. Он старался четко выговаривать слова, чтобы китаец, не слишком хорошо изъяснявшийся по-английски, его понял. “А что, Китай производит телефонные аппараты?” — спросил он. Китаец, вежливо кивая, перевернул телефон — там было написано “made in China”. “О-о!” — сказал канадец и тут же про все забыл: ну производит, и производит, бог с ним, другие дела есть. Между тем, случай очень типичный: те, кому за сорок, и у нас, и на Западе, все еще думают о Китае как о развивающейся стране, которая, да, знаем, в последние годы растёт очень быстро, добивается поразительных успехов, догоняет развитые страны и, может быть, даже производит телефоны. Это вполне естественно, так как представить, что за двадцать три года реформ (1978–2001) реальные доходы возросли без малого в пять раз, без подготовки невозможно, просто не укладывается в голове. Это не догоняющее развитие, это прыжок из отсталости в современный мир, из XVIII века в XXI век нашей европейской хронологии. Другим странам — США, СССР, западноевропейским, — чтобы увеличить реальные душевные доходы в 5 раз, требовалось во все исторические периоды в лучшем случае почти столетие, Китаю понадобилось лишь два десятилетия.

Собственно говоря, только Восточной Азии удалось в послевоенный период сократить разрыв по уровню экономического развития с западными странами; другие крупные регионы мира либо еще больше отстали (Африка, Южная Азия), либо смогли лишь сохранить разрыв неизменным (Латинская Америка, Ближний Восток, Восточная Европа). Именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые после второй мировой войны превратились из развивающихся в развитые, — Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад, в мире пока нет. И именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли поддерживать среднегодовые темпы роста на уровне 7—10 процентов в течение нескольких десятилетий. Других прецедентов такого стремительного роста экономическая история не знает.

В общем, выходит, что Восточная Азия, базирующаяся в основном именно на китайской культуре, знает великую тайну, неведомую другим странам, по крайней мере в том, что касается догоняющего развития. А по телефонам Китай быстро догоняет и перегоняет Россию: мобильных телефонов на душу населения там уже в 1998 году было в четыре раза больше, чем у нас, — на 1000 жителей 19 и 5 соответственно. А к середине 2001 года по числу мобильных телефонов Китай обогнал США и вышел на первое место в мире — 121 миллион, или почти сто на каждую тысячу жителей.

Традиции

Не понимаю, как иностранцы могут быть неграмотными, — сказала самоуверенная китаянка на хорошем английском. — Ведь у вас всего 26 букв. Я не стал объяснять, чем латиница отличается от кириллицы, какая, в сущности, разница, 26 или 33, если в Китае грамотностью считается знание как минимум двух тысяч иероглифов и достигается оно только в старших классах средней школы, а человек с высшим образованием обычно знает не менее пяти тысяч. Всего же иероглифов в китайском около 50 тысяч — столько же, сколько слов в ожеговском словаре русского языка. Слов, таким образом, которые состоят из одного, двух, а то и трех иероглифов, в китайском языке почти на порядок больше, чем в русском. В современном языке, правда, используется только порядка 7 тысяч иероглифов, но средней сложности иероглиф имеет около 10—15 черт, то есть эквивалентен примерно пяти нашим буквам.

Кстати, латинский алфавит в Китае знают все без исключения, он используется для транскрибирования китайских слов, это называется “писать на пиньинь”. Если вы знаете 2000 иероглифов, то еще 26 простеньких закорючек — уже не проблема. На пиньинь пишут на компьютерных клавиатурах: набиваете, скажем, “ши” (“shi”), и на экране появляются 10—20 иероглифов, которые звучат почти одинаково или полностью одинаково (разница — в тонах,

этих тонов в официальном китайском (четыре), а обозначают разные вещи, от глагола “быть” до существительных “дело”, “вещь”, “факт”, “стихотворение”, до прилагательного “подходящий”. “Мышкой” выбираете тот, который вам нужен, причем программа запоминает, что именно вы выбрали, и в следующий раз услужливо расставляет выскакивающие иероглифы в соответствии с частотой их употребления именно вами.

Вспомните в китайские иероглифы — они волнующе красивы, хотя и мало значат для непосвященных. Для китайцев они несут куда большую смысловую нагрузку, чем устный язык. Во-первых, часто диалекты китайского, такие, как кантонский на юге или даже шанхайский на востоке, по звучанию абсолютно непонятны друг для друга и для тех, кто говорит на путун-хуа — основном и официальном китайском диалекте. А иероглифы понятны не только всем китайцам, но еще и японцам, корейцам и многим образованным людям в Юго-Восточной Азии, хотя и произносятся везде по-разному. Поэтому и говорят, что факсимильная связь была изобретена хоть и не в Китае, но для Китая — общаться письменно, посредством иероглифов, для китайцев с разными диалектами не проблема.

Во-вторых, в изображении многих иероглифов до сих пор можно угадать стилизованные картинки, а сочетание частей в сложных иероглифах нередко говорит много больше, чем сочетание букв и даже корней в европейских словах. Так, иероглиф, обозначающий женщину и помещенный под крышу дома, означает “мир”; в любом слове, связанном с водой, как “река”, “море”, “озеро”, “вино”, “плыть”, “тонуть”, всегда есть сокращенный остаток иероглифа, обозначающего воду и напоминающего три капли воды; иероглиф “солнце” означает также и “день”, а иероглиф “луна” — “месяц”; Япония пишется как “страна восходящего солнца” (жи бень — корень солнца), а Корея (чао сян) как “страна утренней свежести”. Последнее звучит как изысканная метафора для европейцев, а для китайцев — обычное выражение, другого названия ни для Японии, ни для Кореи в китайском просто нет.

Наконец, в-третьих, то, что у нас называется почерком, в Китае — каллиграфия, искусство начертания иероглифов, не только прикладное, но и самое что ни на есть высокое: на большинстве китайских картин можно увидеть стихотворение классика или самого художника, а на некоторых картинах только иероглифы и есть, причем их красота не менее важна, чем красота стиха или пейзажа. С давних пор по тому, насколько красиво человек пишет, обычно можно определить уровень его образования и культуры.

В III веке до н.э. при Цинь Шихуанди, первом китайском императоре, объединившем страну и совершившем знаменитое “сожжение книг”, правописание иероглифов было

канонизировано, причем занимался этим его премьер-министр — он составил индекс более трех тысяч иероглифов и создал таким образом первый каллиграфический стиль — чжуань-шу (всего таких стилей сейчас пять). С тех пор многие китайские императоры старались блеснуть каллиграфическим искусством, но немногие преуспели. Цяньлун, император последней династии Цин (1644–1911), проживший восемьдесят восемь лет и правивший большую часть XVIII века (1736–1796), особенно прославился мастерством каллиграфии: он много путешествовал и оставил большое число поэм и других надписей в самых разных районах Китая. В Сиане, административном центре провинции Шэньси и одной из древних столиц страны, собраны каменные таблицы с образцами стилей, канонизированных в разное время.

Современные китайские лидеры стараются не отстать от императоров и тоже повсюду оставляют образцы своих почерков. На мавзолее Мао на площади Тяньаньмэнь рукой его преемника Хуа Гофэна написано “Мавзолей Председателя Мао”. Почерк самого Мао очень красив, им любуются, его каждый в Китае может узнать. Его каллиграфический стиль следует школе цаошу, разновидность куанцао (буквально — “свободная кисть”) — самый вольный, раскованный стиль из всех и потому особенно артистичный. Почерк Мао можно видеть в логотипе заголовка главной газеты страны “Жэньминь жибао”, на всех самолетах китайских международных авиалиний “Эйр Чайна”, в названии центрального железнодорожного вокзала Пекина и во многих других, никак с Мао не связанных, названиях. Почерк Дэн Сяопина не может сравниться с каллиграфией Мао и менее узнаваем. Когда же спрашиваешь китайцев о почерке нынешних лидеров, они говорят, что сейчас каллиграфия уже не имеет того значения, что прежде, но по тому, как они недовольно морщатся, видно, что имеет.

В конформизме и гибкости китайской культуры, видимо, залог ее исключительной жизнеспособности. В китайском, в отличие от японского, практически нет иностранных слов; “факс”, “и-мэйл” — редкие исключения, но даже и для этих слов есть широкоупотребляемые китайские обозначения. Как и язык, китайская культура все поглощает, перерабатывает до неузнаваемости и превращает в свое. Японская культура в корне отлична, хотя и основывается на китайской. Говорят, что в Японии художник должен только подчеркнуть совершенство природы, ибо ничего совершеннее все равно в мире нет. Китайский мастер свободен от таких ограничений. Там, где была гора, китайский садовник выроет пруд, а китайский повар будет польщен, если вы скажете, что не можете определить, из чего приготовлено блюдо. Может быть, и так, а может быть, и нет. Бонсаи — причудливой формы карликовые деревца, выращиваемые в горшочках десятилетиями кропотливым и искусным подрезанием корней и

веток, вроде бы считаются чисто японским подчеркиванием совершенства природы. А между тем пришли бонсаи в Японию из Китая (там они называются пэньцзин), как и почти все остальное “чисто японское” — от классических форм коротких стихотворений до чайной церемонии и харакири (в Китае разрезали не живот, а горло).

С другой стороны, в Японии конформизма тоже хватает — буддизм соединился с синтоизмом так, что уже не разберешь, где что. В указе императрицы Сётоку (765 г.) было велено считать синтоистских богов перевоплощением буддистских богов и святых, а буддистским монахам и синтоистским жрецам предписывалось участвовать в совместных богослужениях и празднествах. Да и с богами все в Японии на дружеской ноге, так же, как и в языческих религиях. Вот типичная картинка: к маленькому каменному Будде, стоящему у фонтанчика в подземном переходе, где движется бесконечная толпа людей, подходит то один, то другой, моет ему животик, бросает мелкую монетку, шепчет пару слов — то ли об экзаменах сына-студента, то ли о курсе акций, и идет дальше как ни в чем не бывало. Ни долгих молитв, ни крупных подношений, никто богов особенно не боится, они и сами-то не такие уж праведники — один жадный, другой хитрый, третий чревоугодник.

В Японии, правда, буддистские храмы все-таки посерьезнее, чем синтоистские, туда приходят, когда человек умирает, приходят в горе, а не в радости. И конфликты между религиями все-таки были, хотя, конечно, и не такие кровавые, как в Европе. При токугавских сёгунах (1603–1868) буддизм фактически сросся с государством: каждый японец был прикреплен по месту жительства к определенному буддистскому приходу. Посещение храма по праздникам стало обязательным, а приходской священник выдавал каждому что-то вроде внутреннего паспорта, который мог быть им же и отобран за неправильное поведение. Революция Мэйдзи (1868 г.), уничтожившая сёгунат и восстановившая самодержавие микадо (императора), воскресила синтоизм как государственную религию и сопровождалась преследованиями буддистского духовенства.

В Китае, однако, не было даже этого, все три “религии” — конфуцианство, даосизм, буддизм — всегда мирно сосуществовали, а большинство рядовых китайцев не видели и не видят в них особого различия. Конфуцианство (философско-этическое учение) и даосизм (то же плюс набор языческих мифов) никогда религиями не были, а буддизм на китайской почве, при переводе священных книг на китайский, превратился из религии со строгими заповедями в красивые сказки, и не более того. По мере продвижения Будды и его перевоплощений на Восток — из Индии в Тибет и, далее, в Китай, Юго-Восточную Азию, Корею и Японию — росли их животы, символизирующие в Китае не только богатство и довольство, но и терпимость. Китайцы убеждены, что

пребывающий в согласии с собой человек, сознание которого не терзают сомнения и гамлетовские вопросы, должен прибавлять в весе. Китайские Будды поэтому всегда упитанны и блаженно или хитрово улыбаются. Глядя на китайские изваяния будд, трудно представить себе, что они сильно переживают по поводу несовершенства мира и не проявят снисходительности к человеческим прегрешениям.

Другие буддистские боги тоже утратили метафизическую бесплотность и стремление к нирване: Амитабе, повелителю райской Чистой Земли, китайцы вменили в обязанность обеспечение верующих посмертными райскими удовольствиями. Если в индийском буддизме монахи должны были достигать совершенства через молитвы и самоочищение, то практичный китайский чань-буддизм (то же, что и японский дзэн-буддизм) хоть и не искоренил монахов совсем, как и Лютер и другие реформаторы в протестантских версиях христианства, но все-таки провозгласил труд обязанностью монахов и приравнял его к медитации. Сплошь и рядом китайские монахи участвовали в военных действиях, пренебрегая буддистскими заповедями “не убий”, “не тронь ничего живого” и т.д.

Вот описание китайских монахов Иосифом Кривелевым: “Как известно, буддийские монахи именовались бхикшу — нищие. Они должны были питаться подаянием, ходить в лохмотьях, не есть мяса. В Китае эти установления приняли довольно забавный вид. Пройдя по городу с чашей для подаяния и собрав в нее несколько горстей рису, монах приносил его в монастырь; там рис поступал в общий котел, где готовилась пища для рабов и младших послушников; сами же “нищие” вкушали обильный обед, тем временем приготовленный для них в монастырской кухне. Чтобы выполнять предписание о ношении лохмотьев, подвижники разрезали свои дорогие шелковые одежды и сшивали их”.

Вдобавок и китайские боги, как и японские, беспрепятственно кочевали из одного пантеона в другой. Сам Будда был включен в даосский пантеон, где занял место рядом с Ю Хуан Да Ди (мифический яшмовый небесный император) и Лао Цзы (реальный китайский философ IV–III вв. до н.э., основоположник даосизма). Короче, религия в Китае и сейчас и раньше сильно приземлена и, что называется, ориентирована на человека; она не требует от него не только невозможного, но и вообще ничего не требует — с богами, как и с людьми, всегда можно договориться, а в крайнем случае можно и пойти наперекор и сделать по-своему — сами горшки обжигать умеем. Религии же в полном смысле этого слова, такой, которая бы поддерживала моральные устои через энное количество заповедей, в Китае нет. Вообще.

Христианство в Китай пытались импортировать бесчисленные миссионеры, но без особого успеха. Выпускники протестантских семинарий в Америке в XIX и даже в первой половине XX века

делились на три группы — лучшие посылались в Китай и Японию, следующие за лучшими по успеваемости — в Индию, самые слабые — в Африку. Однако даже и для миссионеров “с красными дипломами” практичные китайцы оказались крепким орешком. К настоящему времени в Китае не насчитывается и 15 миллионов христиан.

Конфуцианство, которое, как часто говорят, заменяет в Китае религию, на самом деле ничего не заменяет. Это одно из учений одного из философов о моральных нормах, законе и порядке, почитании старших и т. д., на котором, но не только на нем, основываются современные моральные устои. Очень похоже на моральный кодекс строителя коммунизма: бога нет, но честным надо быть перед самим собой, перед родителями, перед народом — и не из-за страха, что бог покарает, не из-под палки и не в надежде на билет в рай, а просто потому, что по-другому непорядочно, стыдно перед людьми. Собственно говоря, это моральный кодекс атеистов — нам не нужен всевидящий бог-контролер, чтобы вести себя прилично, мы не дети, мы не воруем, даже когда всевидящий не смотрит. Китайская культура — самый, может быть, убедительный пример того, что этические нормы могут поддерживаться и без бога, что для морали религия не необходима.

Другой китайский мыслитель, Мао Цзэдун, которого от Конфуция отделяют без малого 25 столетий, тоже внес свой вклад в поддержание моральных устоев. Те, кому сейчас за сорок и кто прошел в юности “культурную революцию”, учили в школе наизусть и помнят до сих пор “лао сан пьен” — три коротких классических эссе Мао. Каждое из них — о смысле жизни и о морали. Одно написано на смерть Нормана Бетьюма — канадского врача-добровольца, работавшего в Китае в тяжелые годы гражданской и антияпонской войн и умершего от заражения крови, когда он случайно порезался, оперируя девочку. Это о том, что Норман Бетьюм забыл в Китае и стоило ли ему туда приезжать.

Другое называется “Служить народу”. Это выступление на траурном митинге, посвященном памяти Чжан Сыдэ — простого бойца охраны ЦК КПК, который погиб даже не в бою, а выжигая уголь в горах провинции Шэньси, на своем рабочем посту, как погибали в Китае миллионы. Мао процитировал тогда древнего китайского литератора Сыма Цяня: “Все люди обречены умереть, но смерть одних тяжелее горы Тай, а смерть других легче лебяжьего пуха”. “Товарищ Чжан Сыдэ, — сказал Мао, — умер за интересы народа, его смерть весомее горы Тай”.

Наконец, третья эссе — “О старом дураке, передвигающем горы” — основано на древней китайской притче. Отец с двумя сыновьями задумал срыть две огромные горы, загораживавшие вход в его дом, одними мотыгами. Когда его сосед смеялся и называл его глупым, он отвечал примерно так: горы высоки, но

они не растут, так что если я и мои сыновья каждый день будем отнимать от горы понемножку, а потом мои внуки, а потом — правнуки и так дальше, в конце концов мы сдвинем эти горы. Настойчивость Старого Дурака у Северной Горы (именно так переводится его имя — Бэй-шань Юй Гун) тронула Бога и он послал на землю двух фей, которые перенесли горы. “У нас тоже две горы, — продолжал Мао, — империализм и феодализм. Если мы будем неустанно трудиться, чтобы скрыть эти две горы, мы тоже растрогаем бога. Наш бог — это китайский народ, если весь народ поднимется, неужели мы не сдвинем горы?”

К слову, Мао известен не только как политический вождь и мастер каллиграфии, но и как поэт, его стихи ценят, многие знают наизусть. Вот стихотворение-цы (с неравным числом иероглифов в строках), написанное в 1957 году для Ли Шу, учительницы средней школы № 10 в городе Чанша, административном центре провинции Хунань. Ее муж, Лю Цзысюн, друг и соратник Мао, погиб в бою накануне Великого Похода в провинции Хубэй в 1933 году. Мао говорит о ее потере и о своей — его вторая жена Ян Кайхуэй была казнена гоминьдановцами в том же городе Чанша в 1930 году.

Я потерял мой гордый Тополь¹, ты потеряла свою Иву²,
Тополь и Ива вознеслись на Девятое Небо,
Спросили у У Гана³, что он может им дать.
У Ган поднес им вина из цветов кассии,
Одинокая лунная богиня Чан Э⁴ махнула широким рукавом,
как в танце,
Десять тысяч ли⁵ неба танцевали для благородных душ.
Вдруг узнали они, что покорился на земле тигр⁶,
Слезы радости хлынули как проливной дождь.

Жизнеспособность

Лао вай, иностранцы, выглядят летом в Китае, как собаки, изнывающие от жары, с высунутыми языками. Дело, конечно, не только в жаре. Огромное количество людей, везде и повсюду, вечно движущаяся толпа, говорящая, смеющаяся, жующая, плюющая, постоянное ощущение устремленных на тебя десятков пар глаз, не исчезающее даже за дверью номера гостиницы. А главное — непонятная, другая, могучая культура, не имеющая ничего общего с западной, тем более с американской, коммунистическая и нерелигиозная и такая жизнеспособная, что, кажется, нет таких преград на ее пути, которые она не могла бы поглотить и растворить. На американцев это производит, похоже, сильное впечатление. “Их так много, они не верят в Христа и прекрасно себя чувствуют”, — простодушно признался мне растерянный американец-миссионер, вытирая пот со лба.

Действительно, есть о чем задуматься. Пятая часть мирового населения, 1,3 миллиарда человек, экономически преуспевающие не благодаря, а вопреки рецептам МВФ, не верящие ни в бога, ни в черта, ведомые от победы к победе твердой рукой компартии

Китай и, да, в массе своей прекрасно себя чувствующие. Когда тысячи китайцев после попадания бомбы в посольство КНР в Белграде в 1999 году скандировали “кровь за кровь” у американского посольства в Пекине и когда даже по телевизору было видно, что эмоции настоящие, а отнюдь не организованные, то не только сторонние наблюдатели, но и специалисты-синологи, знающие страну и историю, чувствовали себя неуютно.

Даже и при поверхностном взгляде нельзя не заметить, что страна обладает огромным запасом социального и морального здоровья. Китайцы дружелюбны, деликатны, расторопны, услужливы без подобострастия, произносят тысячу слов в минуту и всегда улыбаются. Запас жизненной энергии у каждого такой, что его, кажется, хватило бы на десятерых европейцев.

Продолжительность жизни китайцев в среднем — 70 лет. В Японии — 80 лет — самая высокая в мире, в США, Канаде, Франции, Исландии и Гонконге — 79 лет, в России сейчас — 65 лет, в СССР в лучшие времена хрущевской оттепели — 72 года, во времена горбачевской эйфории и антиалкогольной кампании — 70 лет. Среди стран со схожим уровнем экономического развития 70 лет — один из самых высоких показателей.

Между прочим, в 1949 году, когда КНР только образовалась, продолжительность жизни составляла всего 35 лет, в 1960 году — 47 лет, в 1980 году, когда реформы только начались, — 65 лет. Иначе говоря, основной рост продолжительности жизни в Китае пришелся именно на три десятилетия коммунистического развития, когда страной руководил Мао (1949–1976): несмотря на “большие скачки” и “культурные революции”, продолжительность жизни устойчиво росла. Ну да ведь и у нас в послевоенный период, до середины 60-х годов, когда еще не был утрачен социальный динамизм, продолжительность жизни росла ежегодно примерно на один год, так что к середине 60-х мы по этому показателю практически догнали США (всего на один год меньше), несмотря на то, что наш уровень жизни был тогда как минимум в 5–6 раз ниже. Вот бы тогда, в середине 60-х, нам бы и запустить рыночные реформы по будущему китайскому образцу — Егор Гайдар, например, считает, что все могло бы сложиться иначе и результаты были бы не хуже китайских, ибо наша экономика еще не была так сильно деформирована. Однако момент, к сожалению, мы тогда упустили. Это к слову.

Старшее поколение в Китае неизменно говорит о падении нравов в период реформ, есть и статистика, подтверждающая рост преступности, имущественного неравенства, разводов, самоубийств, но это только заставляет удивляться, на какой же высоте были эти нравы до строительства “социалистической рыночной экономики с китайской спецификой”. Пьяных на улицах нет вообще, и это при том, что китайцы пьянеют от одной рюмки — особенности физиологии, молекулы спирта в азиатской крови

хуже разлагаются. Просящих милостыню в Китае можно увидеть редко, реже, чем в других развивающихся странах, китайцы этого очень стесняются. Торговаться любят все — и продающие, и покупающие, не в универсамах, конечно, а на рынках и в уличных лавках; и это при том, что цены в Китае и вправду смешные — в четыре-пять раз ниже западных, а в 1998–2000 годах, после девальвации многих азиатских валют, розничные цены даже снижались на 1–3 процента ежегодно. “Часто мы покупаем вещи не потому, что нужно, а из жалости к производителю”, — сказал мне китайский профессор, состояние велосипеда которого отнюдь не свидетельствовало о привычке к расточительности. Уличные торговцы запрашивают цену, в два-три раза большую, но тут же снижают ее. Зазывать же и хватать за руку покупателей в Китае не принято — бывает, конечно, но реже, чем в других развивающихся странах.

Преступность в Китае за период реформ выросла, что правда, то правда, об этом говорят постоянно и рассказывают страшные истории. Более или менее сопоставимые с другими странами данные есть по умышленным убийствам — статистика других преступлений в разных странах сильно отличается и порой не слишком надежна (“нет тела — нет дела”). Умышленные же убийства регистрируются чаще всего дважды — первый раз в статистике преступлений, второй — в статистике смертности (насильственная смерть, исключая самоубийства и несчастные случаи). Второй показатель несколько шире, в него включаются смерти, освященные законом — казни, убийства преступников при задержании, потери среди мирного населения при “антитеррористических операциях”. У нас, скажем, число преступных убийств в расчете на сто тысяч человек возросло с 5 в 1986 году до 20 во второй половине 90-х годов, а смертность от всех убийств выросла с 7 в 1986 году в разгар антиалкогольной кампании (в 1980 г. было 13) до 30 с небольшим во второй половине 90-х годов.

Во всех промышленно развитых странах, кроме США, и в странах Центральной Европы число законных и незаконных убийств в 90-е годы составляло от 1 до 4 на сто тысяч человек (в Японии, Исландии и на Мальте — даже меньше 1). В США в минувшее десятилетие смертность от умышленных убийств хоть и снизилась, все равно превышает европейский и японский уровень в несколько раз — порядка 10 убийств на сто тысяч жителей. И по числу сидящих за решеткой в процентах ко всему населению (почти 1%) США, кстати, опережают чуть ли не всю планету, так что стоимость поддержания закона и порядка в США крайне высока. В Китае же число всех насильственных убийств выросло с 1,4 в 1987 году до 2,1 в 1994-м — рост огромный, на 50% меньше чем за 10 лет, но ведь 2 человека в расчете на сто тысяч — это же европейский, а не американский уровень, это меньше, чем в

Австралии и Новой Зеландии, в Канаде и Бельгии, в Италии и Португалии. В Китае вероятность быть убитым в 5 раз ниже, чем в Америке, и в 15 раз ниже, чем в России. Это — если уж зашла речь о правах личности при демократии и авторитарном режиме, и о том, кто кого должен учить соблюдению прав человека. В Китае ночью по городу по слабо освещенным улицам ходят спокойно и мужчины, и женщины, и к незнакомцам в темных закоулках обращаются безбоязненно.

До революции в Китае небедные люди имели по несколько жен и содержанок. Гоминьдан пытался поднять социальный статус женщины, но не особенно успешно. В коммунистическом же Китае женщины получили больше равноправия, чем в других странах Азии, включая и Японию. В Японии женщина может быть профессором, только если получила образование за границей, в Китае об этом говорят с улыбкой, не иначе как о пережитке феодализма. И теперь по тому, как женщина держится, даже и на улице, по манере говорить, по ее походке можно почти безошибочно определить, откуда она — с Тайваня или с континента: если с Тайваня или из Японии, она обычно ведет себя более покорно и менее напористо, держится чуть позади мужа. Китайские женщины обиделись бы, если бы их представляли в компании супругой такого-то, как это делают на Тайване.

Отношениям между полами в Китае присуща трогательная деликатность, кажущаяся архаичной в наш деловой и несентиментальный век. Рынок, конечно, принес с собой и проституцию, и браки по расчету, и много других “прелестей”, но и тут приходится только удивляться, как это уживается с целомудрием. Китай дал миру одно из лучших произведений эротической литературы — “Цзинь пин мэй” (“Ветка сливы в серебряной вазе” — есть в русском переводе), однако при Мао оно было запрещено. Тогда в китайских романах и кинофильмах положительный герой/героиня не вступали ни в добрачные, ни во внебрачные связи. Сегодня все изменилось, пуританизм “культурной революции” для сегодняшних двадцатилетних уже история, молодежь знает о нем только понаслышке, но вот вековые традиции остаются. Юноше, ухаживающему за девушкой, в Китае положено написать ей письмо о своих чувствах — от того, как написано письмо, какова каллиграфия, поэтичность и искренность, зависит не в последнюю очередь решение девушки. Эти письма пишут не только юноши из интеллигентных семей, их пишут, по крайней мере в городах, чуть ли не все, а в деревнях — многие.

Дети в Китае родителей не только почитают, но и заботятся о них в старости. Собственно говоря, больше о них заботиться некому — пенсии есть лишь у работающих в госсекторе, то есть у абсолютного меньшинства китайцев. Только недавно стали вводиться обязательные отчисления в пенсионные фонды для

работающих на негосударственных предприятиях, но у крестьян нет и этого. А крестьян, между тем, половина населения — 70 процентов живет в деревнях, но 20 процентов из них заняты не сельским хозяйством, а работают в сельской промышленности. Социологические исследования свидетельствуют, что в отличие от западных стран, где внутрисемейные денежные трансферты незначительны, в России именно родители-пенсионеры помогают детям, а не наоборот. В развивающихся же странах, в том числе и в Китае, именно дети содержат родителей в старости. В Китае традиция требует заботиться о пожилых, даже когда у них есть пенсия. Если престарелые родители вступают в повторный брак, то их взрослые дети встречаются и договариваются о том, кто и как будет помогать.

Художественной самодеятельностью в Китае занимается больше людей, чем у нас в советские времена. На площадях, в скверах, парках утром и вечером постоянно можно видеть и старичков, и старушек, и молодых, занимающихся тайцзи, гимнастикой замедленных движений, и цигун — дыхательными упражнениями. В парке Лу Синя в Шанхае с традиционным китайским садом с прудами, островками, горками, фонарями и мостиками вечером трудно найти свободный уголок — здесь разучивают европейские бальные танцы, там девушки занимаются художественной гимнастикой, поодаль пенсионеры поют хором революционные песни.

У здания пекинской оперы на Чанъаньцзе в летние вечера, когда спадает дневная жара, собираются сотни людей — то один, то другой выходит вперед на импровизированную сцену и под аккомпанемент обязательной для пекинской оперы китайской скрипки цзин ху и нескольких ударных инструментов поет арии из классических китайских опер. Оказывается, эти арии знают многие, а классические произведения, по мотивам которых написаны оперы, такие как “Троецарствие”, “Речные заводы”, “Путешествие на Запад”, “Сон в красном тереме”, знают практически все — они стали частью бытовой национальной культуры.

Что поют, я, конечно, не понял даже после объяснений, но видел, как поют и кто поет: вот работяга-строитель, наверное, только что окончивший вечернюю смену, — он снял грязную спецовку из уважения к публике и остался в одной майке, он жестикулировал, изображая, как крадется тигр и как воин-богатырь борется с ним голыми руками, так что стоящие рядом дети прятались за материнские юбки; а вот девочка лет десяти, которая сначала стеснялась, а потом, после того как ее мама показала пример, спела сама, видимо, очень известную арию, потому что, когда она забывала начало куплета, ей подсказывали слова хором чуть ли не сто человек сразу; а вот уже немолодые супруги, которые пришли со своим цзин ху и разыграли сцену из

оперы “Кун чэн цзи” (“Сказание о пустом городе” по мотивам “Троецарствия”), где герой Чжугэ Лян играл на крепостной стене осажденного неприятелем города, в котором не было никого — враги подумали, что это ловушка, и не вошли в город. Я спросил у выбранной наугад молоденькой пары, сидевшей вдали на металлической ограде газона, знают ли они, откуда эта ария, — ребята бойко рассказали, кто такой Чжугэ Лян и как он спас город в III веке н.э. Возле отдохавших пока музыкантов между тем выстроилась целая очередь желающих заказать аккомпанемент, чтобы продемонстрировать свое певческое искусство.

Китайская культура выживает, кажется, в любых условиях, “чайна-тауны” в мире множатся, как грибы после дождя, а китайские иммигранты за границей очень быстро начинают преуспевать. Число хуацяо — китайцев, живущих за рубежом, оценивается в 80 миллионов человек — очень много и в процентах к мировому (более 1%), и в процентах к китайскому населению (6%). В основном живут они в странах Юго-Восточной Азии, но их много и в США, Австралии, Канаде, да практически везде, за исключением, может быть, Африки и бывшего соцлагеря. В Индонезии, на Филиппинах, в Мьянме (Бирме), Таиланде, Малайзии, Сингапуре, Лаосе, Кампучии в руках китайцев находится львиная доля всего бизнеса. В Таиланде китайцев заставили принять тайские имена, но переговоры и даже совещания в деловых кругах страны часто проводятся на китайском. Собственно говоря, только в трех странах Восточной Азии — в Японии, Корее и Вьетнаме — китайская диаспора не занимает господствующего положения в деловых кругах.

Китайская кухня, может быть, самая разнообразная в мире. Сами китайцы говорят, что едят все, что летает, кроме самолета, и все, что на четырех ногах, кроме стола. Европейцы долго есть китайскую пищу не могут, китайцы же европейскую пищу едят с удовольствием, хотя она и кажется им простоватой — мало ингредиентов. То, что подают в китайских ресторанах в Европе и Америке, сильно облегченный, европеизированный вариант китайских блюд — здесь, как и во многом другом, китайцы обнаруживают великое умение приспособливаться к местным условиям, не теряя самих себя. В Хельсинки сейчас больше китайских ресторанов, чем русских, а ведь меньше 100 лет назад Хельсинки-Гельсингфорс был столицей Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Да что в Хельсинки, в самой Москве в 90-е годы китайские рестораны расплодились, как морские свинки: среди ресторанов национальной кухни китайские сейчас на втором месте — их уже 19 против 27 ресторанов собственно русской кухни; на третьем месте почему-то итальянские — 15. В самом же Китае есть неповторимые шедевры кулинарного искусства: из ресторана в Шанхайском старом городском торговом районе Ю юань каждый день доставляют

самолетом в Гонконг пельменьчики с мясом крабов, “нансян сяо лун бао”, — пробовали делать такие же и в Гонконге, но не получается.

История

“Чжун го” — срединное царство, так назывался Китай раньше, так он называется сейчас. Срединное — потому, что до XVI века Китай был самым могущественным государством в Восточной Азии и, следовательно, бесспорным центром мира в его тогдашних границах, до великих географических открытий. В своих вассальных государствах — Корее, странах Юго-Восточной Азии — Китай раздавал звания и титулы, подтверждал полномочия правителей, посылал войска для поддержки одних и наказания других, разрешал использование китайского календаря и т.д. До XVI века по уровню ВВП на душу населения и технологии Китай либо превосходил все другие цивилизации, либо не отставал от них. Памятники материальной культуры эпохи династии Цинь (III века до н.э.) — скульптуры, оружие, гончарное искусство, обработка металлов, стекла и камня, архитектура и водопровод — не уступают греческим и римским. Компас, бумага, порох, книгопечатание, фарфор, шелк — все это было изобретено в Китае. Еще и в 1820 году Китай, население которого составляло тогда 342 миллиона человек против 122 миллионов во всех странах, которые теперь называют Западом, превосходил по объему ВВП все остальные страны (хотя уже и отставал в 2 раза по уровню ВВП на душу от Запада) и только позже уступил первое место Британии. В 1830 году на страны, которые потом стали называться “третьим миром”, приходилось 60% мирового производства обрабатывающей промышленности, в том числе на Китай — порядка 30%.

К европейцам китайцы поначалу относились как к варварам, европейская техника не производила особого впечатления на китайских правителей, за исключением почему-то часов, которые императоры скупали и коллекционировали. В 1792 году английский король Георг III отправил китайскому императору послание с предложением развивать торговые связи и торговую миссию, а также образцы английских товаров. Император Цяньлун ответил буквально следующее: “Я прочел Ваше послание; искренность, с которой оно написано, обнаруживает уважительное смирение с Вашей стороны, достойное высокой похвалы... Чтобы показать свою преданность, Вы также послали мне образцы изделий из Вашей страны... Властвуя над огромным миром, я не имею другой цели, кроме как поддерживать совершенное управление и гарантировать исполнение государством его обязанностей. Странные и изобретательно сделанные предметы не представляют для меня интереса. Я не могу найти применения изделиям из Вашей страны. Вам надлежит, о король, уважать мои чувства и выказывать мне еще большую преданность и лояльность

в будущем, так чтобы вечной покорностью нашему трону Вы смогли обеспечить мир и процветание Вашей стране. Трепетно подчиняйтесь и не проявляйте небрежения”.

Богатеющая Европа, конечно, и не думала трепетно подчиняться. Накапливавшемуся капиталу нужны были рынки, и для их завоевания он готов был использовать не только низкие цены на товары, но и настоящую тяжелую артиллерию. Отставание Китая началось в период новой истории, с XVI века, когда на Западе стал развиваться капитализм; в XIX же веке это отставание резко ускорилось и привело к изменению баланса сил — к разделению мира на индустриальный центр и зависимую колониальную периферию. К 1913 году на долю промышленных стран Запада приходилось уже почти 80% мирового промышленного производства, а на Китай — менее 10%. В XIX веке отставание Китая привело к невиданному национальному унижению — порабощению западными державами и превращению в полуколонию. Проиграв “опиумные” войны в 40–50-х годах XIX столетия, Китай вынужден был подписать кабальные договоры, открывшие китайские порты для иностранной торговли, предоставившие иностранцам экстерриториальные права и зафиксировавшие таможенные пошлины на 5-процентном уровне.

Вот уж когда наступила полная глобализация и свобода. Даже опиум, который англичане производили в Индии, в Китае продавался без ограничений по требованию англичан, не имевших других конкурентоспособных товаров для оплаты чая, импортируемого из Китая. С тех пор 100 лет Китай вкушал плоды политики экономической либерализации и открытости — китайские таможенные тарифы были одними из самых низких в мире, 4% в 1913 году и 8,5% в 1925 году против порядка 30% в США в эти же годы. Интервенции иностранных войск следовали одна за другой — в 1860 году во время очередного вторжения английских и французских войск императорский летний дворец на северной окраине Пекина, построенный в западном стиле, был разграблен, сожжен и превращен в руины, чтобы скрыть следы грабежа. Эти руины и сегодня там, в парке Юаньмин юань, рядом с Пекинским университетом, — напоминание о цивилизаторской миссии европейцев.

В 1900 году 60-тысячная армия восьми империалистических государств (Германии, России, Англии, Франции, США, Японии, Италии и Австро-Венгрии) вторглась в Китай и навязала очередной кабальный договор, наложивший на Китай контрибуцию и установивший международный контроль над важнейшими доходами империи для обеспечения ее выплаты; иностранцам разрешалось держать в Китае войска для защиты интересов иностранных подданных, а китайское правительство обязывалось наказывать смертной казнью за всякое антииностранное выступление.

Ни свержение императора в 1911 году, ни буржуазные прорыночные реформы Гоминьдана не принесли с собой экономического процветания. Результаты либерализации и рынка были катастрофическими: китайский ВВП на душу населения, составлявший в 1820 году примерно 500 долларов в ценах 1985 года, с тех пор таким и остался — 539 долларов в 1900 году, 498 в 1913 году и 454 доллара в 1950 году. Между тем, Запад шел вперед семимильными шагами, так что разрыв в уровнях экономического развития углубился настолько, что превратился в пропасть. Если в начале XIX века Китай отставал от США по уровню подушевого ВВП в 2 раза, то к 1950 году — в 20 раз. Это был предел падения и унижения “срединной империи” — уровень жизни в 5% от американского и продолжительность жизни 35 лет, чуть ли не вдвое ниже, чем на Западе, полуколониальный статус и полная неспособность противостоять непрекращающейся иностранной агрессии.

Победа компартии в гражданской войне и провозглашение Китайской Народной Республики в 1949 году были не столько социалистической революцией, сколько национальным освобождением. Заключительные слова Мао, провозгласившего образование КНР на многотысячном митинге на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949 года, были отнюдь не марксистско-ленинскими, а скорее националистическими: “Китайский народ в конце концов поднялся с колен!”. В последующие три десятилетия экономического либерализма и открытости в Китае стало меньше, если не сказать — не стало совсем, однако темпы развития ускорились: Китай впервые за почти 500 лет перестал отставать от западных стран и даже немного сократил разрыв. Среднегодовые темпы роста, составлявшие 0,8% в 1900–1913 годах и 0,1% в 1913–1950 годах, в 1950–1973 годах выросли до 5,8%.

В дореформенный период, до 1978 года, у нас китайские достижения сильно преуменьшались, хотя и в период “большого скачка” конца 50-х, и в период “культурной революции” второй половины 60-х китайская экономика росла не переставая, производство все время увеличивалось, а не сокращалось, так что в среднем за три десятилетия дореформенного периода (1949–1978) вышло примерно 5% роста в год. Немногие развивающиеся страны могут похвастаться таким быстрым ростом в течение целых 30 лет. С 1978 года среднегодовые темпы роста повысились до 10%, и только в последние три года, после валютных кризисов в Восточной Азии 1997 года, снизились до 7–8%.

Вспомните старые анекдоты, как китайцы выкапывают картошку через две недели после посадки, потому что “очень кусать хотца”; или как Мао планировал нападение на СССР: 100 миллионов наступают на правом фланге, 100 — на левом и 100 — в центре, а генштаб спорит, какому флангу придать три танка. Эти анекдоты рассказывали после советско-китайских столкновений

на Даманском в 1969 году. Между тем, в 1964 году, через 15 лет после СССР и 19 лет после США, Китай взорвал свою первую атомную бомбу; в 1970 году, всего на 13 лет позже СССР, запустил первый спутник. А уж по продолжительности жизни Китай почти что догнал СССР к началу 80-х годов.

Вопросов, таким образом, как минимум два: почему экономическая либерализация в 1840–1940 годах не сработала и почему она сработала в 1980–1990 годах и работает сейчас? Или, иначе: почему после 1949 года ускорения экономического развития удалось добиться через свертывание рынка и отказ от открытости, тогда как новое ускорение экономического роста после 1978 года стало прямым результатом перехода к рынку и либерализации внешнеэкономических связей? Два вопроса с одним и тем же ответом — все дело в силе государственных институтов, в способности правительства гарантировать права хозяйственных субъектов, собирать налоги, предоставлять общественные блага и обеспечивать закон и порядок, добиваться исполнения собственных указов и предписаний. Таких сильных государственных институтов не было в Китае как минимум с середины XIX до середины XX века, ни при императорах, ни при Гоминьдане; их создала только компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны — такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП против 12% ВВП в Японии сразу же после революции Мэйдзи; при Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, составляя не более 5%; центральное правительство тогда не могло сыграть заметной роли в экономике, даже если бы захотело — у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в начале 50-х годов, а оставило центральную государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978 году с доходами 20% ВВП.

В общем, рынок и экономическая либерализация — дело хорошее, что и говорить; при прочих равных рыночная экономика эффективнее плановой, но только при прочих равных, *ceteris paribus*. А эти прочие условия, в частности институциональный потенциал государственной власти, как раз и не были одинаковыми. Экономическая либерализация без

сильных институтов, как и в СНГ в 90-е годы XX века, в Китае после “опиумных войн” не привела к улучшению экономической динамики, даже несмотря на прогресс технологии. Напротив, после 1978 года та же экономическая либерализация, но только при работающих институтах, доставшихся в наследство от Мао, создала экономическое чудо.

Говоря строже, успех реформ в Китае определяется уникальным сочетанием трех неперенных факторов роста — свободного рынка, эффективного государства и правильной макроэкономической (низкая инфляция) и промышленной (поддержка экспортно-ориентированных отраслей) политики. Кажется, ничего сложного, не бином Ньютона, вроде бы рецепты известные, а вот, поди ж ты, у других стран не получается. В СНГ в 90-е годы, как и в докоммунистическом Китае, был рынок, но не было ни сильных институтов, ни экспортной ориентации; в СССР после свертывания нэпа в 1929 году и в коммунистическом Китае до начала рыночных реформ были сильные институты, но не было рынка; в Центральной Европе сейчас есть и работающие институты и рынок, но нет экспортной ориентации — поэтому и растет она по 5%, а не по 10%, как Китай, где с 1978 года есть и то, и другое, и третье. Кстати сказать, и экономическая либерализация в период Гоминьдана тоже хромала — последовательную аграрную реформу Гоминьдан так и не смог провести, ее осуществили сразу после образования КНР именно коммунисты. Принципы этой реформы, равномерно распределившей землю среди крестьян, были “реабилитированы” в 1979 году семейным подрядом Дэна, который восстановил ликвидированное в период коммун семейное землепользование.

“Он принял страну с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием” — эти слова Черчилля, сказанные о Сталине, применимы и к Мао. Последний, в отличие от первого, оставил страну еще и оснащенной баллистическими ракетами — сомнительная мера общественного прогресса. Но вот другой итог четвертьвекового правления Мао, при всех его загибах и перегибах, — создание независимого сильного государства с работающими институтами — признают как великое достижение даже противники маоизма.

Сегодня, на 23-м году китайских реформ, бесценное наследие “великого кормчего” — сильные работающие госинституты — под угрозой, ибо реформы ведут к коррупции, к разложению госаппарата и его подчинению узкогрупповым интересам. Вопрос вопросов, от которого зависит будущее великой страны и цивилизации, — как не растерять с таким трудом и с такими жертвами выстроенную эффективную государственную власть при теперешнем переходе к рынку и демократии. Государство в Китае сейчас в опасности со всех сторон — его могут “украсть” у народа и “приватизировать” как набирающие силу доморощенные

“олигархи”, так и провинциальные властные элиты, и популистские группы.

Опасности

Предстоящая демократизация страны — главный фактор неопределенности китайского будущего. Ее все желают и ждут — это официальный курс китайского руководства, выборы уже введены на местном, низовом уровне власти и вводятся даже в центре, хотя и в ограниченном варианте. Но демократизации также и боятся. В деревнях выборы местной власти самые что ни на есть полноценные. Выборы в 1 миллионе деревень с 900 миллионами сельских жителей стали проводиться начиная с 1988 года, но до недавнего времени кандидаты выдвигались парторганизацией, группами односельчан в 10 и более человек. Сейчас получила распространение практика “хайсюань” — полностью свободное выдвижение кандидатов любым жителем деревни. Так, в провинции Цзилинь, где выборы проводились уже четыре раза (раз в 3 года), 60% кандидатов выдвигаются через “хайсюань”. Ларри Даймонд, научный сотрудник Гуверовского института и один из участников группы американских наблюдателей, следивших за деревенскими выборами в провинциях Цзилинь и Ляолин в 1998 году, сказал буквально следующее: “Китай добился хороших результатов в проведении выборов. Вы не сможете понять Китай, если вы там не были. Если бы европейцы и другие американцы увидели то, что мы, они бы изменили свое мнение о Китае”. Я уже говорил, что приезжающие в Китай впервые иностранцы часто открывают для себя нечто такое, о чем и подумать не могли — кто демократию, кто права человека, которых там больше, чем они ожидали, ну да не об этой речь.

На самом деле с деревенскими выборами местных начальников отнюдь не все гладко. Нередко толстосумы с родственниками и подкупленными клеветами захватывают власть и, прикрываясь “народным мандатом”, начинают так издеваться над односельчанами, что прежняя жизнь при назначенных сверху коммунистами чиновниках, на которых можно было пожаловаться более высокому начальству и которых время от времени все же снимали за злоупотребления, кажется уже раем. Некоторые демократизированные деревни начинают торговать девочками-подростками и наркотиками — прямо-таки наглядное пособие по демократизации при отсутствии обеспеченных прав личности, основанных на законе. Ведь законы и суды в Китае пока слабы, как и у нас во время перестройки, и хотя в последние годы законодательная база и судебная система быстро модернизируются, сегодня “беззаконный порядок” обеспечивают именно компартия и госбюрократия. Тем важнее сохранение старых механизмов поддержания порядка до тех пор, пока не заработают новые, демократические.

Из экономических опасностей обычно называют грядущую приватизацию и реструктуризацию (то есть часто — банкротство и закрытие) госпредприятий, растущие безработицу и неравенство в распределении доходов, разросшуюся коррупцию, неустойчивость банковской системы, которая держится пока на неискоренимой склонности рядовых китайцев к сбережениям. Как уже говорилось, если быстрый экономический рост продолжится, то многих опасностей удастся избежать. В самом деле, государственные предприятия производят сейчас только треть всей промышленной продукции, или порядка 10% китайского ВВП. Хотя в Китае и не было приватизации, его экономика “вырастала из социализма”, то есть негосударственный сектор рос в несколько раз быстрее, чем государственный, так что через 20 лет соотношение этих секторов кардинальным образом изменилось в пользу негосударственных укладов. Да, госпредприятия остаются самым неэффективным сектором китайской экономики, в тех провинциях, где их больше, темпы роста ниже. Но даже если все они будут закрыты в будущие 10 лет, при расширении других, негосударственных, секторов прежними темпами, экономический рост в Китае в целом замедлится в этом десятилетии, скажем, с 8 до 7% — плохо, конечно, но контролировать ситуацию можно.

То же и с банковской системой: если рост продолжится, то “секьюритизировать” сомнительные долги предприятий банкам, то есть обменять эти долги на облигации, не составит труда. Даже если все облигации придется купить правительству (так как больше никто их купить не пожелает), госдолг увеличится с 6% ВВП до 40% — тоже контролируемая ситуация (у России — более 60%) благодаря тому, что у китайского правительства есть солидный запас прочности в виде низкого госдолга. Однако другие опасности — коррупция и ослабление институционального потенциала государства, углубление социального неравенства при слабой социальной политике — создают угрозу потрясений даже и при продолжении быстрого экономического роста.

О коррупции в Китае говорят все. Замдиректора небольшого предприятия с парой сотен рабочих, с которым я разговорился в поезде, сказал: “В моей практике еще не было случая, чтобы чиновник не взял. Бывало, что поначалу отказывались, но это значит, что надо было давать больше, я так и делал, и они брали”. По уровню коррупции, рассчитываемому Transparency International, Китай находится на одном из первых мест в мире после Нигерии, Индонезии, России, Венесуэлы, Филиппин, Индии, Египта — во всех этих странах индекс непробитости чиновников находится на уровне 3 и ниже, тогда как в Финляндии и Швеции — бастионах неподкупности — на уровне 9—10, в Гонконге и США — на уровне 8, на Тайване и в Японии — на уровне 6.

Первый канал китайского центрального телевидения (CCTV 1) сразу после вечерних новостей, в лучшее эфирное время,

показывает популярную программу “Цзяодянь фантань” (“Фокус”), которая специально посвящена критике недостатков на местах и в большинстве случаев вскрывает злоупотребления чиновников. Рассказывают, что по утрам в будние дни у здания на Фусин лу, недалеко от Западного железнодорожного вокзала в Пекине, где находится редакция программы, выстраиваются две очереди: первая — из людей, которые пострадали от чиновничьего произвола и хотят, чтобы “Фокус” рассказал об этом на всю страну, вторая — из “толкачей”, посланных чиновниками, о которых уже были сняты репортажи, чтобы “убедить” редакцию их не показывать, или показать сюжет о своевременной реакции на критику типа “Правда” выступила — что сделано”.

Коррупцией поражены уже высшие эшелоны государственной власти, а объемы средств, присваиваемые ответственными лицами, весьма внушительны даже и по российским меркам. В 1995 году во время расследования многомиллионного (в долларах) дела о взятках застрелился один из вице-мэров Пекина Ван Баосянь. Его непосредственный начальник, мэр Пекина, член Политбюро ЦК КПК Чень Ситун был затем снят со всех должностей, судим и приговорен к 16 годам тюрьмы. Впервые с 1949 года, когда Компартия пришла к власти, члена Политбюро судили за коррупцию.

В марте 2000 года был расстрелян по приговору суда Ху Чанцин, бывший вице-губернатор провинции Цзянси. Впервые за все 50 лет существования КНР был казнен чиновник такого высокого ранга в коммунистической иерархии. Он лично получил взятки на сумму 657 200 долларов за выдачу разрешений на строительство и лицензий на открытие фирм, за помощь в списании банковской задолженности и в переселении людей в Гонконг. Говорят, он имел деловые связи с женой Цзя Циньлиня — нынешнего члена Политбюро. Несколькими месяцами позже к расстрелу был приговорен Чэн Кэцзи — заместитель председателя Всекитайского Собрания Народных Представителей — парламента страны. Вместе со своей любовницей Ли Пин он незаконно присвоил почти 5 миллионов долларов, когда занимал пост председателя правительства Гуанси-Чжуанского автономного района — одной из 33 провинций Китая на юго-западе страны. Ли Пин была приговорена к пожизненному заключению с конфискацией имущества, которого набралось на 3,5 миллиона долларов — огромные деньги в Китае, где многие все еще живут в домах без водопровода и канализации. Говорят, арест Чэна стал возможен только после его перевода на работу из провинции в центр — до этого центральная власть не могла его “достать”.

В конце 2000 года началось вынесение приговоров по делу “Юань Хуа”, крупнейшей контрабандистской аферы в истории Китая. “Юань Хуа” — торговая группа в провинции Фуцзянь, возглавляемая Лай Чансином, в 90-е годы ввезла нелегально

товаров на сумму почти 7 миллиардов долларов (не уплатив в бюджет более 3 миллиардов долларов таможенных пошлин и других налогов). К марту 2001 года более 100 человек было осуждено, вынесено 14 смертных приговоров, в том числе и высшим чинам таможенной службы и полиции провинции; полученные ими взятки исчисляются миллионами долларов. Сам Лай находится сейчас в Канаде, где он успел получить статус беженца, под наблюдением канадских органов безопасности. Китай требует его выдачи, но, по канадским законам, если преступнику на родине грозит смертная казнь, которой в Канаде нет, он не может быть выслан из страны.

Коррупция разъедает китайскую государственную машину в то самое время, когда честные и эффективные органы власти нужны как воздух. В стране за годы реформ произошло сильное имущественное расслоение, богатые богатели быстрее, чем бедные, так что разрыв в доходах высших и низших доходных групп увеличился. В принципе этого ждали: как говорил Дэн, чтобы сделать богатыми *всех* как можно быстрее, надо позволить *некоторым* разбогатеть первыми; углубление неравенства поэтому воспринималось как неизбежная цена за ускорение экономического роста. Однако углубление неравенства оказалось слишком быстрым — в очень короткий период Китай превзошел по его показателям европейские страны и даже сравнялся с США (хотя пока что еще не с Латинской Америкой и Африкой). Растущее неравенство, конечно, принесло с собой массу социальных проблем — от разочарования в коммунистических идеалах справедливости до повышения преступности.

В Китае огромный прогресс в сокращении бедности был достигнут в первые годы реформ — в 1978–1985 годах число людей, живущих менее чем на 60 центов в день (национальная черта абсолютной бедности, эквивалентная 20 долларам в месяц по мировым ценам, то есть вдвое ниже среднего уровня жизни в дореволюционном Китае), сократилось с 260 миллионов до 97 миллионов. Такой рывок стал возможным по двум причинам — во-первых, благодаря быстрому экономическому росту, во-вторых, из-за того, что рост был равномерным, то есть охватил все доходные группы и почти не привел к углублению социального неравенства. Коэффициент Джини — показатель неравенства в распределении доходов (чем он выше, тем больше неравенство) в этот период почти не возрос, в 1981 году он составил 29%, в 1984 году — 30%.

Однако впоследствии, в 1985–1991 годах, бедность практически не сократилась, число живущих за чертой бедности составило в 1991 году 94 миллиона человек. Иначе говоря, весь рост доходов был достигнут за счет богатых, тогда как почти 100 миллионов бедняков в этот период в экономическом росте практически не участвовали. Коэффициент Джини повысился к 1995 году до 42% — очень высокий показатель по международным стандартам. В

западных странах, кроме США, коэффициент Джини находится на уровне 25–35% (в Австрии, Бельгии, Германии, Люксембурге и Скандинавии — ближе к нижней границе), в США — на уровне 40%, во многих странах Латинской Америки и черной Африки — на еще более высоком уровне.

К концу 90-х годов в Китае коэффициент Джини, по имеющимся оценкам, достиг 46% — больше, чем в Индонезии (34%) и на Филиппинах (43%), столько же, сколько в Таиланде (46%) и Малайзии (48%), — все данные на начало—середину 90-х годов. Такой резкий рост неравенства в короткий период времени наблюдался только в России и в некоторых других бывших советских республиках. Так, в России, по данным Госкомстата, коэффициент Джини возрос с 26% в 1991 году до 41% в 1994 году; затем он, правда, чуть снизился — до 38% в 1996 году, но после кризиса 1998 года снова возрос. В странах же Восточной Европы рост неравенства был заметным, но менее сильным, чем у нас, — сейчас большинство из них находятся на верхней границе западноевропейского уровня — 30–35%.

Отчасти обнадеживает, что доходное расслоение в Китае в 90-е годы, после скачка 1985–1991 годов, замедлилось, так что даже рост неравенства не смог перекрыть эффекта возрастания доходов: численность живущих за абсолютной чертой бедности сократилась с 94 миллионов в 1991 году до 65 миллионов в 1995 году и до 28 миллионов к концу 2000 года. Однако, с другой стороны, Китай, похоже, уже исчерпал весь резерв роста доходного неравенства, дальнейшее углубление пропасти между богатыми и бедными чревато социальными потрясениями, особенно при ослаблении власти компартии.

Бедность в Китае существует в основном в трех ипостасях. Во-первых, в западных провинциях: в 5 самых бедных провинциях — Гуйчжоу, Ганьсу, Сицзане (Тибете), Шэньси и Гуанси — доходы на душу населения в 7–12 раз ниже, чем в самом богатом Шанхае (город центрального подчинения), и в 2–5 раз ниже, чем в 5 самых богатых провинциях — Чжэцзяне, Цзянсу Гуандуне, Фуцзяне, Ляонине. Во-вторых, городская безработица и временная занятость — “дрейфующее население”, потерявшее работу в деревнях и не нашедшее ее в городе. И, наконец, в третьих, — беднейшая часть деревенского населения, занятого в сельском хозяйстве, а не на сельских промышленных предприятиях.

Именно эта последняя группа беднейшего населения — бедные крестьяне — вызывает наибольшее беспокойство. Потенциал роста, высвобожденный китайской аграрной реформой 1979–1983 годов, похоже, в значительной степени уже исчерпан. Мелкие крестьянские хозяйства, перешедшие на подряд, так и остались мелкими и не могут в полной мере воспользоваться сельхозмашинами и техникой. Нужен механизм укрупнения хозяйств, а его-то как раз и нет, так как торговля землей в Китае не

разрешена; рост сельскохозяйственного производства и доходов поэтому в последние годы сильно замедлился. В прежние времена проблему частично снимал быстрый рост сельской промышленности в форме коллективно-муниципальных предприятий, однако в самые последние годы все меньше этот рост компенсирует трудности в сельском хозяйстве. По подсчетам китайских экономистов, годовой прирост сельских подушевых доходов снизился со 164 юаней в 1997 году до 72 юаней в 1998 году и 48 юаней в 1999 году. При этом прирост доходов на селе от несельскохозяйственной деятельности (промышленности) оставался более или менее постоянным — порядка 100 юаней в расчете на душу, а вот подушевые доходы от сельского хозяйства стали даже сокращаться (то есть их прирост был отрицательным) — на 28 юаней в 1998 году и на 53 юаня в 1999 году.

В некоторых деревнях крестьяне отказываются платить налоги и дело доходит до прямых столкновений с властями. В 1999 году премьер Китая Чжу Жунцзы вынужден был специально предостеречь местных руководителей от того, чтобы они не использовали силу при сборе налогов и платежей. Однако то там, то здесь против крестьян используется вооруженная полиция. Недавнее известное столкновение — самое крупное за последние несколько лет — произошло в далеко не самой бедной провинции Цзянси, колыбели социалистической революции, в деревне Юньтан в апреле 2001 года. После наводнения 1998 года, уничтожившего урожай, 1400 сельчан отказались платить земельный налог — 36 долларов с одного му (0,67 га), который и в урожайные годы выплатить нелегко: по паритету покупательной способности валют этот налог эквивалентен 500 долларам с участка в 3 га земли. В 1999 году налог был увеличен и власти потребовали уплатить не только его, но и недоимку за предыдущий год. Дважды — в феврале 1999 года и в июле 2000 года — в деревню приезжало местное руководство в сопровождении сотен вооруженных полицейских, но жители наотрез отказались платить. Как символ своего сопротивления они построили железные ворота на единственной дороге, ведущей в деревню, и забаррикадировали въезд. Но 15 апреля 2001 года в 4 часа утра 600 вооруженных полицейских объехали заграждения, окружили деревню, ворвались в дома и открыли огонь по жителям, собравшимся у местной школы. В результате — двое убитых и 18 раненых. Заместитель первого секретаря партии провинции приехал в деревню и пообещал провести расследование; китайская пресса не написала об этом ни строчки; жители деревни остались с двумя трупами, подобранными пулями и надеждой на справедливость.

В конце мая 2001 года опубликован трехсотстраничный “Доклад о положении в Китае в 2000–2001 годах: исследование противоречий среди народа в новых условиях”, подготовленный

исследовательским отделом ЦК КПК (терминология Мао, с которой знакомы все китайцы: противоречия с эксплуататорскими классами — антагонистические, а противоречия среди народа — неантагонистические, но тоже есть). Обозреватели сразу отметили, что это самый откровенный документ о коррупции и крестьянских антиправительственных выступлениях; “Нью-Йорк таймс” даже написала, что “картина, рисуемая в докладе, почти так же мрачна, как и высказывания диссидентов за границей”. Вот цитата: “В последние годы некоторые районы из-за плохого руководства и по многим другим причинам столкнулись с растущим числом групповых выступлений, их масштабы расширились, часто в них участвовали более тысячи и даже более десяти тысяч человек... Протестующие часто перекрывали мосты, блокировали дороги, штурмовали партийные и государственные здания, оказывая давление на партийные комитеты и администрацию; имеют место даже преступные действия, такие, как нападения, разброс мусора, грабежи, поджоги”. Далее приводятся примеры — в провинции Хунань работнику горкома партии, пытавшемуся собрать обязательные платежи, сопротивляющийся крестьянин отрезал ухо, двое чиновников погибли в столкновении с демонстрантами. Доклад, подготовленный под руководством Цзэн Цинхуна — влиятельного советника и возможного преемника Цзян Цзэминя, предсказывает увеличение социального неравенства, недовольства и массовых выступлений по мере экономической либерализации, предусмотренной соглашением о вступлении Китая во Всемирную торговую организацию.

Известные случаи применения вооруженной силы против крестьян редки — исчисляются единицами за все время реформ, но счет крестьянским выступлениям против налогов и поборов местных чиновников идет на сотни, а то и на тысячи. Если доходы в сельском хозяйстве резко снизятся, страна может быть охвачена крестьянскими волнениями. Сможет ли тогда коммунистическое руководство обеспечить закон и порядок? Крестьянским трудом занимается в Китае половина населения, 70% живет в деревнях, от того, кого поддержит деревня, зависит и будущее страны. КПК возникла 80 лет назад как крестьянская партия, даже в период “культурной революции” интеллигенцию и кадры посылали в деревню учиться у крестьян. Но сегодня, глядя на коррумпированных и богатеющих партийных бонз, крестьяне все чаще теряют веру в то, что компартия выражает их интересы.

Политика

Во внутренней политике Китай уже давно не является коммунистической диктатурой, а превратился в мягкий авторитарный режим, постепенно переходящий к демократии. Китайский авторитаризм больше похож сейчас на титовскую Югославию, чем на брежневский СССР, — и умнее, и мягче. Китайцы в последние 5–6 лет практически беспрепятственно

выезжают за границу, если только получают визы в иностранных посольствах. Рассказывают, что Джимми Картер, американский президент в 1977–1981 годах, особенно любивший рассуждать о правах человека, на первой же встрече с Дэном очень настаивал на предоставлении всем без исключения китайцам права свободного выезда. “Господин президент, сколько миллионов вы хотите?” — спросил Дэн, и на этом обсуждение вопроса закончилось.

Свободы печати в Китае намного больше, чем в догорбачевском СССР. В большом книжном магазине в пекинском торговом центре “Сидань” книги по геополитике Збигнева Бжезинского, “известного своими антикоммунистическими взглядами”, как когда-то писала “Правда”, мирно соседствуют с произведениями Мао Дзэдуна — ни те, ни другие, кстати сказать, никто особенно не разглядывает, уже видели.

Кроме того, в наш электронный век новости все чаще получают через Интернет, в Китае число пользователей достигло 22 миллионов человек, все крупные организации, включая провинциальные правительства, городские власти, газеты, компании и т.д., имеют свои сайты. А уж в Интернете есть все, что угодно, в том числе и тысячи нецензурируемых китайских сайтов — на китайском, но за пределами Китая. Да и в самом Китае сайты, хоть и цензурятся, но не слишком быстро и оперативно: в мае 2001 года “Нью-Йорк таймс” написала об аресте сына Лу Цзяпина, армейского офицера в отставке и левого коммуниста, защищавшего “культурную революцию” как правильную кампанию по борьбе с коррупцией (позднее, правда, извращенную) и недовольного проамериканской позицией китайских средств массовой информации. Ирония состояла в том, что арестовали далекого от политики сына в провинции Хунань, который ничего не писал, а только помещал статьи отца, живущего в Пекине, на своем домашнем сайте, и что сам сайт так и не закрыли, хотя и забрали компьютер и присланные отцом статьи.

Центральная газета страны, орган ЦК КПК “Жэньминь жибао” (как “Правда” в СССР) на своем сайте имеет специальную дискуссионную рубрику; чтобы поместить там заметку, не нужно никакого разрешения и подписываться тоже не надо. Многие пишут туда регулярно под псевдонимами, например “Математик”, или “Здравомыслящий”, или “Революционер”. После освобождения экипажа захваченного американского самолета-шпиона в апреле 2001 года самые мягкие критики правительства требовали его отставки по причине предательской трусости и полной неспособности противостоять агрессии американского империализма.

Самые резкие критические заметки обычно быстро снимаются с сайта “Жэньминь жибао”, но не всегда. Недавно, после того как все главные газеты напечатали стихотворение лидера Цзян Цзэминя о посещении горы Хуан — одной из пяти красивейших

горных вершин Китая, сайт буквально захлестнула волна пародий, большинство из которых были вскоре удалены. Острословы предлагали пародистам подавать заявления на работу в отдел пропаганды ЦК КПК. Некоторые помещали на сайте стихотворения Мао, подразумевая, что сравнение поэтических талантов бывших и нынешних пекинских лидеров говорит само за себя.

О Фалуньгун — многомиллионной религиозной секте, проведшей самую массовую со времени студенческих манифестаций на Тяньаньмэнь летом 1989 года несанкционированную демонстрацию в Пекине в апреле 1999 года, писали много, особенно в западной прессе. Тогда десять тысяч сторонников секты окружили Джуннаньхай — находящийся рядом с Запретным городом комплекс партийно-правительственных зданий и резиденций высшего руководства. Недавно о ней вспомнили опять, когда пятеро ее членов в январе 2001 года пытались совершить самосожжение на той же Тяньаньмэнь (чего только не видела площадь Ворот небесного спокойствия за шесть сотен лет своей истории!). Точнее, самосожжение пытались совершить четверо, а двенадцатилетнюю девочку просто облили бензином и подожгли, пообещав ей вознесение в рай (ее поначалу, в отличие от матери, удалось спасти, но в марте она умерла в больнице).

Западная пресса в основном писала тогда о подавлении религиозных прав и свобод коммунистической диктатурой, что, мягко говоря, не вполне соответствовало действительности. Фалуньгун была довольно фундаменталистским религиозным движением. Запрет возникшей в 1992 году секты состоялся только в июле 1999 года, и именно потому, что она попыталась выйти за рамки чисто религиозной организации. Вообще в Китае открыто существует множество конфессий, действуют храмы — от мусульманских мечетей до протестантских церквей, не говоря уже о даосистских и буддистских. Общее число верующих оценивается в 100 миллионов человек, в том числе 20 миллионов мусульман, 10 миллионов протестантов, 8 миллионов ламаистов (практически все тибетцы), 4 миллиона католиков. Одних только профессиональных служителей культа насчитывается 0,3 миллиона. Пять религий — даосизм, буддизм, протестантизм, ислам, католичество — представлены в Политическом Консультативном Народном Собрании, которым руководит Ли Жуихан, четвертый человек в китайской партийно-государственной иерархии, и в котором представлены 34 организации — КПК и восемь так называемых демократических партий, комсомол, профсоюзы, женская ассоциация, нацменьшинства, религиозные конфессии и т. д.

Так вот, Фалуньгун хотела получить такой же статус, как эти религии, что было невыполнимым требованием для любого, в том

числе и демократического правительства. Дело в том, что Фалуныгун не только выступает против западной науки, проповедует конец мира, запрещает своим последователям смотреть телевизор и считает, что все болезни происходят от совершенных ранее грехов, но и запрещает обращаться за медицинской помощью, в том числе и детям. Последнее уже не личное дело каждого, а уголовно наказуемое покушение на права человека. Число членов Фалуныгун, погибших от самоубийств и из-за отказа воспользоваться медицинской помощью, уже оценивается в несколько тысяч.

До запрета в 1999 году Фалуныгун была официально зарегистрирована в Государственной администрации спорта, как и многие другие популярные в Китае группы дыхательных упражнений (цигун); людей, занимающихся этими упражнениями, можно видеть каждый день в практически любом городском парке. Однако Фалуныгун вела себя отнюдь не как борец за свободу: она требовала от властей наказания авторов критических выступлений в ее адрес в средствах массовой информации. В наиболее известном случае секта обрушилась на профессора физики Хэ Цзусю, вина которого состояла лишь в том, что он в 1998 году дал интервью одной из программ пекинского радио, предостерегая молодых от присоединения к Фалуныгун, а затем в марте 1999 года опубликовал в местной тяньдзинской газете тиражом несколько тысяч экземпляров умеренно критическую статью о секте. Фалуныгун ответила демонстрациями и вокруг радиостанции, и вокруг редакции тяньдзинской газеты, требуя опровержения, “сурового наказания” старого профессора и публикации положительных материалов (пекинское радио дрогнуло и передало в эфир опровержение по одной программе и положительный материал по другой, а местная тяньдзинская газета не поддавалась на угрозы).

Профессор Хэ, которого секта объявила рупором правительства, объяснил, что это полная чепуха: “Если бы у меня тогда была поддержка центрального правительства, я бы опубликовал статью в “Жэньминь жибао”, а не в никому не известной местной газете”. На самом деле даже местная газета не печатала его статью в течение нескольких месяцев, а мотивы профессора были совсем далеки от политики: его лучший студент, к которому он относился как к сыну, сошел с ума, практикуя Фалуныгун, и теперь скромный профессор, который не смог уберечь тогда своего ученика, чувствовал моральный долг предостеречь других. Однако и на апрельской 1999 года демонстрации вокруг Джуннаньхай Фалуныгун требовала наказать профессора Хэ и предоставить движению статус официальной религии.

Тут уже терпению властей пришел конец, тем более что десяти тысячная демонстрация, похоже, стала для них полной

неожиданностью. В июле 1999 года китайское руководство запретило секту. Я был в Китае в это время и видел, как диктор телевидения читал постановление ЦК по этому поводу: первое, считать деятельность Фалуньгун противоречащей законам КНР, правительству отдать соответствующие распоряжения и обеспечить их выполнение; второе, считать членство в Фалуньгун несовместимым с членством в КПК; третье, коммунистам, связанным с Фалуньгун, надлежит немедленно доложить об этом в своих первичных организациях; четвертое, на коммунистов, порвавших связи с Фалуньгун и своевременно доложивших об этом в своих первичных организациях, не должны накладываться никакие взыскания; пятое, те коммунисты, которые продолжают оставаться членами Фалуньгун, подлежат исключению из партии и т.д. — в общем повеяло доперестроечным холодом.

Лидеры Фалуньгун были арестованы, организатор джуннаньхайской демонстрации в Пекине отставной генерал Ю Чаньсинь был приговорен к 17 годам заключения (ему 74 года); Ли Хунджи, лидер секты, находящийся в США, объявлен вне закона. На Тяньаньмэнь число полицейских в штатском сильно возросло: центральная власть стала критиковать провинции, из которых члены секты приезжали протестовать на главную площадь, так что каждая провинция, соревнуясь с другими в достижении лучших показателей по борьбе с Фалуньгун, откомандировала на площадь Ворот небесного спокойствия собственных переодетых полицейских. Злые языки утверждали, что они ходят по площади и прислушиваются, не говорят ли на их провинциальном диалекте: если нет, теряют интерес и идут к следующей группе. К слову сказать, межпровинциальная и межрайонная конкуренция — могучий стимул развития и экономики и всего остального. Скажем, в каждой провинции (а их 33, включая 4 города центрального подчинения, Гонконг и Макао), есть несколько полномасштабных телеканалов, которые можно смотреть и в других провинциях наряду с десятком центральных, так что большинство китайцев может выбирать из нескольких десятков телеканалов даже без кабеля и спутниковых антенн (в Пекине телеканалов более полусотни, в том числе и на английском, кантонском — из Гонконга, монгольском — из Внутренней Монголии, и т.д.).

Между тем меры против Фалуньгун были строгими только на первый взгляд. На самом деле для властей вся история стала удобным и бесспорным предлогом для демонстрации своей решимости и способности эффективно контролировать ситуацию. И слава богу, что для этого пришлось разгонять не студентов, борющихся за демократию, а приверженцев невежественной секты, провозгласившей врачевание противоестественным. Так, в СССР компартия регулярно выводила народ на субботники, от которых экономического проку было маловато, но которые

показывали и самой партии, и армии, и органам, и народу, что в случае необходимости КПСС может вывести на улицы миллионы. Так человек поднимает по утрам пудовую гирию, доказывая себе и остальным, что он все еще в форме. Правительствам тоже положено поддерживать свой авторитет и показывать, что они могут “ловить мышей”: хорошо, если для этого надо не воевать в Чечне, а только арестовать нескольких членов противоправной секты.

Справедливости ради надо сказать, что китайское руководство не ограничивается только показательной демонстрацией своих возможностей. Одно из действительных, а не показательных достижений последних лет — поворот вспять тенденции к отставанию роста госдоходов от роста ВВП. Это снижение прекратилось в 1995 году, когда доля всех государственных доходов в ВВП составила всего только 12% против более 30% накануне реформ. К 1999 году эта доля возросла до 16%, причем баланс несколько изменился в пользу центрального правительства — прежняя тенденция к повышению доли провинциальных и местных бюджетов была приостановлена. Несколько увеличились и социальные расходы, рост которых прежде отставал от роста экономики: их доля в ВВП снизилась с 4–5% в начале 80-х годов до 3% в 1995 году, а сейчас вновь возросла до 4,4%. Это все равно очень мало в сравнении с другими странами, ведь сюда входят и образование, и здравоохранение, и культура, но тенденция все же обнадеживает.

Правительство, кроме того, борется и с коррупцией — в его составе действует специальный Антикоррупционный комитет — и с другими правонарушениями. Преступность в Китае, как уже говорилось, выросла за период реформ, и значительно. Все зависит от точки отсчета, разумеется: в Китае преступность уже находится на европейском уровне, то есть вдвое выше японского, который и является стандартом в Восточной Азии. В Китае расстреливают ежегодно по приговорам суда более тысячи человек — больше, чем во всех других странах вместе взятых в абсолютном выражении, и гораздо больше, чем в других странах по отношению к численности населения. Причем расстреливают часто за такие преступления, за которые в других странах смертной казни не полагается. По данным организации “Международная амнистия” (“Amnesty International”), в 1990–1999 годах в Китае было вынесено 27 599 смертных приговоров и 18 194 из них были приведены в исполнение. В брежневском СССР расстреливали несколько сот человек ежегодно, в современной России смертная казнь не отменена, но и не практикуется, в США счет казней идет на единицы в год. В Китае же в 1998 году казнено 1769 человек, в 1999 году — 1263 и в 2000 году — 1077. Казни — узаконенные убийства — составляют примерно 5% от общего числа убийств.

Говорят, суровость наказания не панацея и не ведет к снижению преступности, главное — неотвратимость наказания, но и она, похоже, в Китае пока что на месте. Еще до передачи Аомыня (Макао), бывшей португальской колонии, Китаю из него уехали преступные кланы, контролировавшие игорный бизнес. Они не боялись португальских колониальных властей, но слишком хорошо знали, что при коммунистическом режиме им вольготной жизни не будет. Согласитесь, это довольно высокая оценка, выставленная правоохранительным органам КНР самим преступным миром, — при всех коррупционных скандалах в самом Китае компартия все еще сохраняет репутацию организации, с которой криминальному миру лучше не сталкиваться.

Китайская печать полна сообщений о расследованиях коррупционных дел и о строгих наказаниях, часто расстрелах, взяточников. В этом, кстати сказать, еще одно отличие нынешнего Китая от брежневско-андроповского СССР, где казнокрады из высших сфер если и наказывались, то тихо, так, чтобы “не дискредитировать” власть. В Китае, наоборот, впечатление такое, что власть использует любую возможность продемонстрировать, что она борется с коррупцией, пытаясь таким образом вернуть доверие сограждан. Часто в регионах о приговорах суда объявляют на народных собраниях, показывая жителям преступников, в том числе и приговоренных к смертной казни; репортажи об этих собраниях транслируют по телевидению.

Во внешней политике Китай до последнего времени следовал заветам Дэна — не ввязываться в международные конфликты без крайней необходимости до тех пор, пока Китай не окрепнет экономически, сосредоточить все силы на внутреннем развитии, пока нет непосредственной угрозы национальному суверенитету. Уже давно являясь одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности, Китай всегда фиксирует свою позицию по международным вопросам, но дальше заявлений не идет, если только дело не касается его ближайших соседей. Китай сознательно не стремится стать членом “семерки”/“восьмерки” развитых стран, куда так стремилась Россия, хотя оснований для этого у Китая не меньше, если судить по экономическому и военному потенциалу, чем у Англии, Франции, Германии, Японии, Италии и Канады. Китай в принципе мог бы предложить посредничество в разрешении конфликта в Косово (и даже предложить послать туда пару миллионов миротворцев вместе с Россией, которых Милошевич бы с удовольствием принял), но не сделал этого.

Китайская внешняя политика, по крайней мере до последнего времени, была по сути региональной и ничем не напоминала политику сверхдержавы, которой Китай неотвратимо становится. Именно поэтому проблема Тайваня занимала и занимает в китайской внешней политике такой высокий удельный вес. Все

страны делятся Китаем на признающие и не признающие Тайвань. Большинство уже не признает, но около 20 небольших государств (Гренада, Панама, Доминиканская Республика, Сальвадор, Македония) все еще признают (ЮАР была последней крупной страной, отказавшейся от признания Тайваня в 1997 году). Тайвань предлагает материальную помощь тем странам, которые сохраняют с ним дипломатические отношения, в Пекине же эти страны скрупулезно вносятся в “черный список”, их позиция по другим международным вопросам имеет для Китая менее важное значение.

Заикленность китайской внешней политики на Тайване поражает. В марте 2000 года, когда Гомиьндан, правивший на Тайване полвека и никогда не отделявший себя от континентального Китая, проиграл выборы, уступив власть Демократической прогрессивной партии (Миньцзиньдан), ратующей за независимый Тайвань, китайское руководство выступило с жестким заявлением, которое можно было понять и так, что в случае провозглашения Тайванем независимости Китай начнет войну. Зачем вам захватывать Тайвань? — спрашивал я. — Ведь все равно вы в скором времени объединитесь мирным путем — и у вас, и у них рыночная экономика, Тайвань недавно перешел к демократии, и когда этой демократии в континентальном Китае станет чуть побольше, ни одна партия на Тайване противиться естественной идее объединения не сможет. Так было в Германии, так будет с Тайванем и с Кореей. Вы не понимаете, отвечали мне, что, если Тайвань провозгласит независимость, никакое китайское правительство не сможет удержаться у власти, не начав войны. Трудно, конечно, в это поверить, но так говорят многие.

Тайвань для китайцев не просто неотъемлемая часть национальной территории, а остров, контролируемый врагом, который украл сокровища, являющиеся национальным достоянием, и до 1987 года (только тогда на Тайване было отменено военное положение, введенное в 1949 году) гноил коммунистов в тюрьмах. До самого последнего времени именно Тайвань отказывался развивать с Китаем экономические, политические, культурные, спортивные и прочие гуманитарные связи, тогда как континентальное правительство старалось их всячески поощрять. Тайвань — одна из двух стран в мире, с которой континентальный Китай согласен терпеть большой и устойчивый торговый дефицит (другая, между прочим, Россия).

По коммунистической версии новейшей китайской истории, Гомиьндан бойкотировал совместную с компартией борьбу с японской интервенцией в 1931–1945 годах, воюя с коммунистами вместо того, чтобы воевать с японцами. Гомиьндан, правда, обвиняет в этом же коммунистов; об этом же пишет в своих дневниках и Петр Владимиров — фактический посол СССР при Компартии Китая, базировавшейся в Яньани во время войны

(формально он был представителем Коминтерна и военным корреспондентом ТАСС; дипотношения существовали тогда только с гоминьдановским правительством, которое Компартия поддерживала). Однако непреложный исторический факт состоит в том, что Чан Кайши обязан коммунистам своим положением, а возможно, и жизнью: во время так называемого сианьского инцидента в декабре 1936 года Чан Кайши был арестован своими генералами, недовольными его нежеланием сотрудничать с компартией в антияпонской войне; он был освобожден только по настоянию коммунистов, пославших Чжоу Эньлая в Сиань, чтобы примирить Чан Кайши с его же генералами; дело закончилось тогда подписанием сианьского протокола, призывавшего воевать с японцами, а не друг с другом. А потом этот самый Чан Кайши, вместо того, чтобы покориться воле революционного народа, предательски украл национальные сокровища — вывез золотой запас и художественные ценности на остров, так что несколько поколений континентальных китайцев их в глаза не видели... В общем, что и говорить, внутренние конфликты всегда более жестоки и бескомпромиссны, чем внешние, и раны от них заживают дольше.

Так или иначе, в мировую политику Китай понемногу втягивается, может быть, и помимо воли руководства. В дискуссиях о том, как Китай должен был поступить после гибели китайских граждан в Белграде во время натовских бомбардировок в 1999 году и после инцидента с американским самолетом-шпионом в 2001 году, все чаще вспоминают Мао, при котором страна была менее богатой и сильной, но не боялась “бумажных тигров” мирового империализма. Во время недавних валютных кризисов Китай фактически впервые после Мао проявил себя ответственным лидером в Восточной Азии, да и во всей мировой экономике. Во имя азиатской солидарности он “держал удар” как никакая другая страна и сильно помог бывшим вассальным/союзным государствам: решение Китая не девальвировать юань на деле означало, что он взял на себя часть трудностей соседей, чтобы избежать волны конкурентных девальваций и еще большей дестабилизации; кроме того, Китай выделил 1 миллиард долларов кредитов в стабилизационный фонд для стран ЮВА и обязался поддерживать своими резервами валюту к тому времени уже китайского Гонконга. Китайскую ответственную позицию высоко оценили не только в Азии, но и в США и Европе.

Мораль

Рискуя расстроить читателя, должен признаться, что четкого вывода из всего написанного у меня нет. Капельки воды не складываются пока ни в море, ни в реку, ни в другой иероглиф со знакомым смыслом. Есть ощущение важности происходящего на наших глазах, есть чувство загадки, которую еще никто не разгадал, но картинки пока нет, только отдельные капли. “Цан хай

и су”, — говорят китайцы об ограниченности знания, а по-русски — “одна капля безбрежного моря”: и в печатном тексте, и в устной речи перевод с китайского на западные языки всегда получается вдвое длиннее.

Есть ощущение, что Китай, да и вся Восточная Азия, базирующаяся в основном на китайской культуре, знает что-то такое, что неведомо европейской цивилизации. Статистический анализ быстрого экономического роста позволяет выделить многие факторы, объясняющие, почему ни Латинская Америка, ни Ближний Восток, ни Южная Азия, ни Африка не смогли в последние годы поспеть за восточноазиатскими “драконами” и “тиграми”. Это большие вложения в человеческий капитал, более сильные институты, более осторожная макроэкономическая политика (низкая инфляция), большая открытость экономики и т. д. Однако, во-первых, всегда остается необъясненный остаток: даже если учесть все факторы, Восточная Азия в последние десятилетия все равно росла быстрее — то ли потому, что там много китайцев, то ли из-за того, что она — между Америкой и Западной Азией, в общем, мы толком не знаем, почему. А во-вторых, объяснить, как это Восточной Азии удалось поддерживать и сильные институты, и правильную макроэкономическую и промышленную политику, тогда как другим развивающимся странам это не слишком удается, тоже совсем не просто.

Почему вы так хотите быть европейской страной? — спрашивали меня в Азии. — Зачем России надо обязательно быть в составе “семерки” (“восьмерки”)? Ведь вы же развивающаяся страна, как и мы. Я не знал, что ответить. Я думал, что Россия не Европа, только до тех пор, пока не побывал в Азии — оттуда уж точно видно, что Россия — часть Европы. Дистанция между российской жизнью и европейской кажется мизерной при сравнении Китая с Европой, будь то Голландия или Россия. К счастью или к сожалению? На нашем Дальнем Востоке китайцев — легальных и нелегальных иммигрантов — всего от силы 50 тысяч, менее одного процента населения, но сколько уже разговоров о “желтой опасности” и “ползучей экспансии”!

Для Китая Россия — не только бывший друг. Россия — поработитель и захватчик, участник многочисленных разделов Китая в XIX веке, навязывавший стране кабальные договоры. Россия — одна из 8 империалистических государств, войска которых вторглись в Китай сто лет назад. “Ты должен был бы видеть, как мы вошли в город, когда выиграли первое сражение, — писал немецкий солдат домой после того как западный десант, высадившийся в Тяньцзине, вступил в Пекин 14 августа 1900 г. — Перебиты были все, кого мы только встретили на пути: мужчины, женщины, дети. О, как кричали женщины! Но приказ императора гласит: не давать пощады!” Это был приказ императора Германии Вильгельма II, в котором именно так и говорилось: “Пощады не

давать, пленных не брать... чтобы и через 1000 лет ни один китаец никогда более не осмелился даже косо взглянуть на немца”. Именно так — и всего только 100 лет назад. Интервенты разорвали и уничтожили бесценную дворцовую библиотеку, где хранились редчайшие старинные рукописи и книги. Из Пекина шли эшелоны с золотом и жемчугом, слоновой костью и фарфором. Российские войска заняли тогда Маньчжурию и зверствовали не меньше.

С чем у нас ассоциируется Европа? Раньше говорили “европейская цивилизация” и “европейское образование”, теперь — “европейские ценности”, “два авиабилета в одну из европейских столиц”, евросервис, набор еврокосметики, евроремонт с установкой евросантехники. А Азия? Совсем другой набор устойчивых словосочетаний: азиатское коварство, азиатская хитрость, азиатская жестокость, “азиатчина”. Ничего благосклоннее “азиатской экзотики”, пожалуй, и не найти. Стереотипы человеческого сознания живучи, они так укореняются, что остаются даже тогда, когда исчезает само явление, которое они отражали.

Между тем, жизнь идет вперед, и жизнеспособными и перспективными часто становятся такие формы, которые раньше, казалось, были выброшены на обочину истории. В том, что воспринималось как смешное, устаревшее, отжившее, патриархальное и даже варварское, неожиданно открывается “второе дыхание”. Сколько книг было написано про “японское чудо” в 70-х! Пожизненный найм, круговая порука, тесные отношения банков с промышленностью и госчиновников с бизнесом — во всем этом видели тогда секрет японского процветания. А сегодня не меньшее количество исследований усматривают в тех же самых патерналистских неформальных отношениях причины кризиса в Японии и других странах Восточной Азии.

Когда части 8-й Народно-Революционной армии, оттесняя в 1949 году гоминьдановцев на Тайвань, подошли к Гонконгу, им ничего не мешало взять его, что называется, с марша, он не мог оказать им никакого военного сопротивления. Незадолго до этого Мао не послушал Сталина, настойчиво советовавшего ему не двигать войска на юг, не пересекать Янцзы и оставить в покое гоминьдановское правительство в Нанкине. Кто знает, если бы Мао внял тогда советским предложениям, Китай до сих пор был бы разделен на две части, как Корея. Однако, подойдя к Сянгану, Мао неожиданно остановился. Говорят, он решил тогда оставить Гонконг Британии, просто чтобы посмотреть, что у них получится. Видимо, он искренне надеялся, что свободный Китай докажет свое преимущество в экономическом соревновании с колониальным анклавом империализма.

Получилось с точностью до наоборот: Гонконг быстро стал самым богатым азиатским городом, превзойдя по уровню жизни даже Англию. Однако в решении Мао, согласитесь, были и калибр, и воображение, и стратегическая дальновидность. Три десятилетия Гонконг был живым укором экономической политике КПК, но даже в самые голодные годы большого скачка туда шли эшелоны с продовольствием из Гуандуна в строгом соответствии с подписанными контрактами. В конце концов, не в последнюю очередь благодаря Гонконгу, оставленному в роли “контрольного участка”, на котором результаты оказались лучшими, чем на “опытном”, в Китае начались реформы Дэн Сяопина в 1978 году. Да и философия этих реформ была схожей: экспериментировать, “чувствовать камни под ногами при переходе реки”. Сам же автор самых крупных в истории человечества экспериментов в области социальной инженерии был крайне скромным в окончательном подведении итогов. Говорят, когда Мао спросили об исторической роли Великой французской революции XVIII века, он ответил: “Пока что слишком рано судить...”.

Сказать, что у китайцев терпимость к другим формам общественной жизни — в крови и что они всегда оставляют “контрольный участок”, было бы преувеличением. В китайской пятитысячелетней истории было все — и императоры, сжигавшие книги и казнившие ученых, чтобы начать историю с чистого листа, и борьба с воробьями, приведшая к повсеместному распространению гусениц и насекомых. Но, может быть, именно так и вырабатывается иммунитет к радикальным преобразованиям, к разрушению старого мира “до основания, а затем”. Народы, как и люди, мудреют с опытом, а опыт приходит с возрастом. Китайская цивилизация, между прочим, единственная из древнейших, которая существует и по сей день, сохраняя никогда не прерывавшуюся преемственность; остальные сгнули под нашествиями завоевателей, в лучшем случае передав им свои культурные достижения, а в худшем — вообще без следа, так что изобретенные ими “велосипеды” пришлось открывать заново.

Защитники окружающей среды считают несчастьем исчезновение редкого вида растений или животных — есть понимание того, что у исчезнувшей навсегда букашки могли быть такие уникальные гены, которые сегодня никому даром не нужны, а в будущем могут спасти человечество. Лингвисты и культурологи бьют тревогу, когда исчезает целый народ со своим языком и культурой, как, скажем, айны на Хоккайдо в Японии, язык которых — один из трех-четырех в мире — не укладывается ни в какие языковые группы и семьи. У экономистов и политологов такого почтения к общественным формам нет, хотя их знания о своем предмете исчерпывающими не назовешь даже с натяжкой.

Мы пока не знаем наверняка, почему Восточная Азия развивалась быстрее всех в послевоенный период; не знаем,

почему китайские коллективно-муниципальные предприятия (TVE — township and village enterprises) с самыми неясными правами собственности в мире увеличивали объем производства в 80–90-е годы на 20% в год; не знаем, что лучше — англо-американская система контроля и финансирования корпораций (основанная на рынке акций) или же германо-японская (основанная на банках и других финансовых институтах); не знаем наверняка, какие именно отрасли государство должно поддерживать и должно ли вообще; в общем — много чего не знаем. А если не знаем, то можно и нужно спорить до хрипоты, но не стоит спешить с оргвыводами, не надо с порога отвергать китайский опыт, который был у нас когда-то так популярен. Нетерпение ума — плохой советчик. Чем больше знаешь о Китае, тем больше хочется узнать. Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли.

Владимир Викторович Попов родился в 1954 году в Москве. Доктор экономических наук, работает в Академии народного хозяйства при правительстве РФ, в Российской экономической школе и в Карлтонском университете (Оттава). Автор многих работ по российской и мировой экономике.

=====

¹ Имя второй жены Мао — Ян, что по-китайски означает “тополь” (здесь и далее примечания авт.).

² Имя мужа Ли Шу — Лю по-китайски означает “ива”.

³ У Ган — мифический лунный садовник, который в наказание за земные грехи обречен стричь дерево кассии — разновидности корицы с красивыми, похожими на абрикосовые цветами. Дерево мгновенно восстанавливается, как только его обрезают. У Ган обречен стричь дерево вечно.

⁴ Чан Э — девушка из китайских сказаний, ждавшая своего возлюбленного и улетевшая на Луну, приняв по ошибке не то лекарство. С тех пор она живет там с садовником У Ганом и белым кроликом.

⁵ Ли — мера длины, равная 576 метрам.

⁶ Покоренный тигр — символ победы.